

Шпитцер Лео*

© 2020 В.П. Киржаева

*Киржаева Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.
E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева. Саранск, Республика Мордовия, Россия

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 18–012–00341 А «Бахтинская энциклопедия»*

Аннотация. Публикация представляет словарную статью, подготовленную для «Бахтинской энциклопедии».

Ключевые слова: научные работы Л. Шпитцера, научное наследие М.М. Бахтина.

Шпитцер, Шпицер (Spitzer) Лео (07.02.1887, Вена, Австро-Венгрия – 16.09.1960, Форте-деи-Марми, Италия) – выдающийся филолог, специалист в области романского языкознания, истории романских литератур, философ языка. Ближайший единомышленник К. Фосслера.

Учился в ведущих европейских университетах (Вена, Париж, Рим, Лейпциг). Ученик одного из крупнейших языковедов-романистов конца XIX – начала XX в. В. Мейер-Любке, под руководством которого в 1910 г. защитил диссертацию «Словообразование как стилистический прием». В ней, по определению В.П. Мурат, «особенности стиля Ф. Рабле рассматриваются как выражение его особой манеры видения мира» [9, с. 594]. С 1913 г. – приват-доцент Венского университета. В годы Первой мировой войны служит в цензурном управлении, где, в частности, работал с письмами итальянских военнопленных, материал которых использовал в своих исследованиях итальянской разговорной речи. С 1920 г. преподавал в Боннском университете, с 1925 г. – профессор Марбургского, с 1930 г. – Кельнского университетов. В 1933 г., после прихода к власти нацистов, уволен из университета по причине еврейского происхождения. С 1933 г. – в эмиграции в Турции, где работал в Стамбульском университете, с 1936 г. – в США, где возглавлял кафедру романской филологии в университете Джонса Хопкинса.

Одну из самых значительных заслуг Шпитцера для современного языкознания В.П. Мурат видит в следующем: «констатируя разрыв, существующий между историей культуры и наукой о языке, от которого страдает находящееся на границе этих наук изучение стиля писателей, Шпитцер подчеркивает, что для выявления полной картины своеобразия стиля писателя необходимо установить все, что для него стилистически значимо, и поставить в связь с его личностью. Шпитцер вводит понятие индивидуальной языковой системы писателя, каждый из признаков которой может встретиться в другом тексте, но совокупность которых единственна в своем роде. Здесь в общих чертах намечается метод исследования „стиля личности в стиле языка“, который впоследствии получил название индуктивно-дедуктивного метода в стилистике, или метода „филологического круга“. Исследование движется от найденной стилистически значимой детали к ее интерпретации в свете особенностей духовного мира писателя, к интерпретации „из языкового окружения“ писателя, обусловленного литературной и социальной историей. Состоятельность полученной интерпретации проверяется ее применимостью для объяснения и других стилистических фактов в языке данного автора» [9, с. 594–595].

В своем понимании стилистики, опирающемся на принципы компаративизма, Шпитцер отстаивал значение индивидуальности писательского стиля и важность воздействия социума на формирование художественных методов и приемов конкретного автора. В 1940–1950-е гг. в развернувшихся в американском лингвистическом сообществе дискуссиях выступал с критикой схематизма раннеструктуралистского и дескриптивистского подходов. Традиционно считающийся последователем К. Фосслера и Б. Кроче Шпитцер, по точному замечанию Р. Уэллека, отличался неординарностью идей и осмысленной самостоятельностью научных решений, заметно расширивших возможность современной теории стиля и романских исследований [12].

Можно предположить, что интерес к взглядам Шпитцера возникает у М.М. Бахтина в процессе осмысления «материальной эстетики» европейского и русского формализма и альтернативных ей течений философско-филологической мысли Запада, в частности К. Фосслера и его школы. Включение В.М. Жирмунским работы Шпитцера в сборник «Проблемы литературной формы» не могло этому не способствовать. Работая над книгой о Достоевском, Бахтин последовательно конспектирует два исследования Шпитцера о разговорной речи, запись которых из 17 фрагментов на немецком языке, выполненная рукой Е.А. Бахтиной, сохранилась в его архиве. Результатом этой работы стало появление цитат из «Итальянской разговорной речи» не только в «Проблемах творчества Достоевского», но и в статье «О границах поэтики и лингвистики», что еще раз свидетельствует о глубинной взаимосвязи всего корпуса «спорных текстов».

В «Марксизме и философии языка» размышления о вербальном выражении переживания голода оказываются важной иллюстрацией к содержанию понятий «я-переживание» и «мы-переживание»: «Интересный материал по вопросу о выражении голода можно найти в книгах известного современного лингвиста школы Фосслера – Лео Шпитцера: „*Italienischen Kriegsgefangenenbriefen*“ и „*Die Umschreibungen des Begriffes Hunger*“. Основная проблема здесь: гибкое приспособление слова и образа к условиям исключительной ситуации. Подлинного социологического подхода автор, однако, не дает». Указывая на ограниченность подхода Шпитцера, он, однако, подчеркивает важность приближения немецкого филолога к проблеме диалогической речи: «Не прав индивидуалистический субъективизм и в том, что он, как и абстрактный объективизм, в основном исходит из монологического высказывания. Правда, некоторые фосслерианцы начинают подходить к проблеме диалога и, следовательно, к более правильному пониманию речевого взаимодействия. В этом отношении в высшей степени характерна уже названная нами книга Leo Spitzer'a „*Italienische Umgangssprache*“, где делаются попытки анализа форм итальянской разговорной речи в тесной связи с условиями говорения и прежде всего – с постановкой собеседника. Однако метод Лео Шпитцера описательно-психологический. Соответствующих принципиально социологических выводов Лео Шпитцер из своего анализа не делает. Основную реальностью для фосслерианцев остается, таким образом, монологическое высказывание» [8].

В статье «О границах поэтики и лингвистики» позиция круга Бахтина по отношению к лингвистической теории школы Фосслера выражена достаточно однозначно, и именно работа Шпитцера цитируется здесь для демонстрации попыток фосслерианцев восстановить синтез распадающихся составляющих филологии: «Жагда синтеза грамматики и стилистики, боязнь прогрессирующей дифференциации частных наук <...> заставила Фосслера и его учеников „перекинуть мост между литературоведением и языковедением“» [8]. Острота последующей критики предопределялась общими установками сборника «В борьбе за марксизм в литературной науке», где статья была напечатана. Предполагалось, что, отталкиваясь от уже сделанного, марксистское литературоведение пойдет дальше и выработает свой социологический метод анализа писательского стиля: «Последователь Фосслера, Лео Шпитцер, перефразируя известную формулу Локка (*Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*), парадоксально заостряет эту точку зрения: „*nihil est in syntaxi, quod non fuerit in stylo*“ (нет ничего в синтаксисе, что

раньше не было бы стилем).

Такая чудовищная переоценка художественного момента в языке, столь категорический примат стилиста над языковедом, конечно, неприемлемы как для марксистского литературоведения, так и для марксистской лингвистики. Это направление индивидуалистического субъективизма, выполнив свою историческую задачу (борьба с позитивизмом и привлечение внимания к творческой роли единичного высказывания), должно уступить дорогу социологическим, марксистским направлениям в науке о языке» [8].

В «Проблемах творчества Достоевского» цитата из Шпитцера, органично вплетенная в общий ход рассуждений Бахтина о теории интонации, играет важнейшую роль в предложенной автором конструкции. Она одновременно предстает в роли чужого, «авторитетного слова», подкрепляющего бахтинскую позицию, и выступает контрапунктом, за которым следует собственно бахтинское понимание тона. Во втором издании книги Бахтин полностью сохранил текст 1929 г., заменив, по требованию издательства, немецкий язык оригинала на русский перевод. В связи с этим ниже данный фрагмент воспроизводится по «Проблемам поэтики Достоевского»: «Пародийному слову аналогично ироническое и всякое двусмысленно употребленное чужое слово, ибо и в этих случаях чужим словом пользуются для передачи враждебных ему интенций. В жизненно-практической речи такое пользование чужим словом чрезвычайно распространено, особенно в диалоге, где собеседник очень часто буквально повторяет утверждение другого собеседника, влагая в него новую интенцию и акцентируя его по-своему: с выражением сомнения, возмущения, иронии, насмешки, издевательства и т. п.

В книге об особенностях итальянского разговорного языка Лео Шпитцер говорит следующее: „Когда мы воспроизводим в своей речи кусочек высказывания нашего собеседника, то уже в силу самой смены говорящих индивидов неизбежно происходит изменение тона: слова „другого“ всегда звучат в наших устах как чуждые нам, очень часто с насмешливой, утрирующей, издевательской интонацией... Я хотел бы здесь отметить шутовское или резко ироническое повторение глагола вопросительного предложения собеседника в последующем ответе. При этом можно наблюдать, что часто прибегают не только к грамматически правильной, но и очень смелой, иногда прямо невозможной, конструкции, чтобы только как-нибудь повторить кусочек речи нашего собеседника и придать ему ироническую окраску“» [3, т. 6, с. 217].

В первой половине 1930-х гг. в ходе работы над проблемами стилистики романного слова Бахтин вновь напоминает о позиции Шпитцера, отмечая при этом и ее недостатки. «Одновременно и параллельно с этим интересом к явлениям стилизации, пародии и сказа развивается обостренный интерес к проблеме передачи чужой речи, к проблеме синтаксических и стилистических форм этой передачи, – пишет он в «Слове в романе». – Развивается этот интерес по преимуществу в немецкой романо-германской филологии (Lorck, Lerch, Leo Spitzer и др.). Эти авторы, сосредоточиваясь в основном на лингвистико-стилистической (или даже грамматической) стороне вопроса, тем не менее, в особенности Лео Шпитцер, очень близко подходят к проблеме художественного изображения чужой речи, этой центральной проблеме романной прозы. Но все же проблема образа языка не была поставлена ими со всюю ясностью, да и самая постановка вопроса передачи чужой речи не получила должной широты и принципиальности» [3, т. 3, с. 91].

Отсутствие имени Шпитцера в тексте книги о Рабле не является препятствием для правомерного предположения о наличии в ней шпитцеровского подтекста. Несложно провести параллель между рассуждениями о пародийном слове у Достоевского, которые сопрягаются с соответствующим фрагментом книги Шпитцера, и бахтинскими размышлениями над пародийным словом Рабле и народной смеховой речью в целом. В этом контексте интересны наблюдения И.Л. Поповой, которая, указывая на опосредованное влияние Шпитцера («ключевые позиции, обозначенные Шпитцером со ссылкой на Шнееганса, – гротескная образность и преодолевающий страх смех – будут

интересовать и М.М.Б., хотя сама концепция гротеска, изложенная Шнеегансом, подвергнется у него существенной критике. Впрочем, и критика Шнееганса опосредована у М.М.Б. работами Шпитцера <...> В духе Шпитцера М.М.Б. оценивает и методологию круга Лефрана <...> «И еще один принципиальный момент, в котором М.М.Б. безусловно солидарен со Шпитцером, – интерпретация языка Рабле и его словотворчества как основанного на «презрении» к готовым словесным формам, к пониманию поэзии как готовой и данной»), приходит тем не менее к выводу: «При этом было бы не продуктивно считать идеи Фосслера и Шпитцера источниками книги М.М.Б. Труды Фосслера и Шпитцера, сам их взгляд на Рабле, его роман и язык, на состояние и перспективы европейской раблеистики правильнее было бы рассматривать как диалогизующий фон книги...» [3, т. 4 (2), с. 594].

Закономерным представляется упоминание Шпитцера в работе, первоначально задуманной как доклад, лишь позднее переработанный в статью «Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе»: «Стилистическая грамматика (и ее основа: лингвистическая стилистика) лучше всего разработана во Франции. Научные основы ее были заложены в трудах школы Фердинанда де Соссюра (Байи, Сешей, Тибоды и др.). Имеются прекрасно разработанные пособия для школьной практики. В Германии этими вопросами занималась школа Фосслера (Лео Шпитцер, Лорк, Лерх и др.)» [3, т. 5, с. 141].

Актуализированный Бахтиным в 1950-е гг. сюжет речевых жанров вновь приводит его к обращению к Шпитцеру. В частности, он отмечает излагавшуюся Г.О. Винокуром на страницах «Вопросов языкознания» полемику между Л. Шпитцером и Л. Блумфилдом в американском журнале «Лэнгвидж», включает книгу Шпитцера в библиографию работ, подготовленную для статьи «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках».

Соч.: Aufsätze zur romanischen Syntax und Stilistik, Halle, 1918; Stilstudien. Bd 1–2. München, 1928; Linguistics and literary history. Princeton, 1948; Essays in historical semantics. N. Y., 1948; Словесное искусство и наука о языке // Проблемы литературной формы. Л., 1928.

1. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Яз. славян. культур, 2005. 432 с.
2. Алпатов В.М. Шпитцер // Большая российская энциклопедия: в 35 т. М.: Большая рос. энцикл., 2017. Т. 35. С. 95.
3. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари; Яз. славян. культур, 1996–2012. Т. 1–6.
4. Винокур Г.О. Эпизод идейной борьбы в западной лингвистике // Вopr. языкознания. 1957. № 2. С. 59–70.
5. Долгорукова Н.М. Бахтин и Шпитцер, или Две функции «криков Парижа» // Философия. Язык. Культура. СПб.: Алетейя, 2015. Вып. 6. С. 6–16.
6. Иванов Вяч. Вс. Шпитцер // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Совет. энцикл., 1975. Т. 8. Стб. 784–785.
7. Киржаева В.П. Лингвистическая проблематика в книгах, статьях и набросках М.М. Бахтина. Статья первая // М.М. Бахтин в Саранске: док., материалы, исслед. Саранск, 2002. Вып. 1. С. 36–55.
8. Михаил Михайлович Бахтин. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. 625 с.
9. Мурат В.П. Эстетический идеализм // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Совет. энцикл., 1990. С. 594–595.
10. Попова И.Л. Книга М.М. Бахтина о Рабле в контексте идей школы Фосслера (к постановке проблемы) // Новый филол. вестн. 2005. № 1. С. 224–233.
11. Степанов Ю.С. Доказательство и аксиоматичность в стилистике. Метод Л. Шпитцера // Вестн. МГУ. Сер. 7. 1962. № 5. С. 43–50.
12. Wellek R.L. Spitzer // Comparative Literature. 1960. Vol. 12. № 4. P. 310–334.

Spitzer Leo

© 2020 V.P. Kirzhaeva

Vera P. Kirzhaeva, Doctor of Pedagogics, Professor of Chair of Russian language.

E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.

Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The publication presents a dictionary article prepared for the Bakhtin Encyclopedia.

Keywords: scientific works of L. Spitzer, M.M. Bakhtin's scientific legacy.